

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. З. ГАДЖИЕВА

О МЕТОДАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СИНТАКСИСА

(На материале тюркских языков)

В сравнительно-историческом языкознании отдел синтаксиса не только тюркских, но и индоевропейских языков остается наименее изученным. До сих пор не разработаны методы и приемы сравнительно-исторического исследования синтаксиса, хотя современная тюркология, а тем более индоевропеистика в известной мере подготовлены к разработке этой темы. В последние годы в тюркологии велась большая работа по научно-критическому изданию памятников, систематическому описанию их грамматического строя, а также анализу редких тюркских языков (лобнорский, тофаларский, саларский). Параллельно с этим в последние годы ведутся исследования по созданию очерков по истории, правда, пока только отдельных тюркских языков (азербайджанского, узбекского, башкирского, туркменского, чувашского и др.).

Тюркологическая литература располагает немногими работами, в которых раздел синтаксиса выполнен в историческом освещении, чаще всего — на основе анализа языка того или иного конкретного исторического памятника. Если к работам этого типа добавить обширнейшую литературу по синтаксису всех тюркских языков, выполненных в синхронном плане, а также многочисленные диалектографические работы по всем тюркским языкам, то в совокупности все это может послужить известной базой для осуществления сравнительно-исторических исследований по синтаксису тюркских языков. Однако нельзя забывать и о целом ряде серьезных объективных трудностей, возникающих при попытках создания сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков: 1) отсутствие исторических грамматик по целому ряду тюркских языков; 2) отсутствие письменных памятников у многих языков (алтайский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский и др.); 3) невыясненность преемственных связей между целым рядом древних тюркоязычных памятников и современными языками; 4) жанровая неоднородность языка памятников, дифференцированность самих тюркских языков уже в эпоху енисейско-орхонских памятников и, следовательно, существование общетюркского языка-основы в эпоху, значительно удаленную от времени появления первых памятников на тюркских языках; 5) отсутствие четко выработанных методов и приемов исследования в области сравнительно-исторического синтаксиса.

Тюркологическая литература имеет целый ряд работ, в которых отдельные синтаксические категории трактуются с точки зрения динамики их развития¹, заметим, однако, что метод сопоставлений, широко при-

¹ Исследование проблемы соотношения именных и глагольных конструкций см.: K. Grönbach, *Der türkische Sprachbau*, Kopenhagen, 1936; J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli)*, Paris, 1921; вопросы генезиса простого предложе-

меняемый в последние годы в работах по тюркскому синтаксису, оставляет в стороне проблемы историко-генетического порядка, вопрос об общей исторической основе тюркского синтаксиса.

В то же время индоевропеистика, разработав определенную методику сравнительно-исторического изучения морфологии, не располагает подобными разработками в отношении синтаксиса. Методы и приемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса в индоевропеистике не были созданы и младограмматическим направлением, ведущие представители которого (от Боппа, Бругмана, Пауля до Мейе) внесли немалый вклад в область внутренней истории языка, но не уделяли должного внимания вопросам закономерности языковых изменений, а развитие языка рассматривалось ими вне единой системы.

Методологические недостатки школы младограмматизма в значительной мере были преодолены в работах А. А. Потебни, с именем которого связано начало нового этапа в развитии исторического синтаксиса. А. А. Потебня выдвинул принцип структурной сплоченности и соотносительности всех элементов языка, принцип системности синтаксиса, а также установил основные тенденции синтаксического развития². Поэтому объектом сравнения у Потебни служат не отдельные явления, а определенные синтаксические тенденции, объединяющие целую совокупность языковых факторов. В результате последующего развития традиций исторического изучения языков в числе очередных задач языкознания была выдвинута проблема реконструкции синтаксиса группы близкородственных языков³, которая в работах большинства компаративистов не ставилась⁴.

Между тем, сравнительно-исторические синтаксисы, включающие в орбиту своего исследования ряд родственных языков, все еще остаются единичными. В истории языкознания попыток к созданию таких работ было немного⁵. Кроме того, подобные попытки были отмечены неудачной методикой синтаксического исследования: за основу брался анализ систе-

ния: Н. А. Б а с к а к о в, Типы сказуемого простого предложения в тюркских языках и их происхождение, М., 1960 («XV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»); А. П. П о ц е л у е в с к и й, Основы синтаксиса туркменского литературного языка, Ашхабад, 1943, и др.; С. S. M u n d y, Turkish syntax as a system of qualification, «Bull. of the School of Oriental and African studies (University of London)», XVII, pt. 2, 1955; А. v. G a b a i n, Die Natur des Prädikats in den Türk-sprachen, «Körösi Csoma-archivum», III, 1, Budapest — Leipzig, 1940; проблемы генезиса сложного предложения: Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, М. — Л., 1948; е г о ж е, Строй тюркских языков, М., 1962; вопросов, связанных с развитием отдельных типов синтаксических отношений: В. К о т в и ч, Исследование по алтайским языкам, М., 1962; изучение природы и реконструкция грамматических форм: O. B ö h l i n g k, Ueber die Sprache der Jakuten, в кн.: A. Th. v. M i d d e n d o r f f, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, III, Thl. 1, St. P. b., 1851; Н. И. А ш м а р н и, Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1—2, Казань, 1898; Н. Ф. К а т а н о в, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903; А. Н. К о н о н о в, Тюркологические этюды, «Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада», М., 1967, и др.

² См. А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958.

³ Я. Б а у э р, Проблема реконструкции праславянского сложного предложения, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», VII. Rady jazykovědné, 6, 1958; В. Н. Я р ц е в а, Проблема выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков, ВЯ, 1956, 6.

⁴ Сам сравнительно-исторический метод, на котором основывается реконструкция, некоторые компаративисты считают неприменимым к области синтаксиса, ср., например: А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М. — Л., 1938.

⁵ В. D e l b r ü c k, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, I. Thl., в кн.: K. B r u g m a n n, В. D e l b r ü c k, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, III, Strassburg, 1893; Н. H i r t, Indogermanische Grammatik, I—VII, Heidelberg, 1921—1937.

мы разнообразных синтаксических значений изучаемых языков и при этом допускалось смешение разных уровней: морфологии и синтаксиса; не выдерживают критики используемые там приемы сравнительно-исторического анализа синтаксиса индоевропейских языков. Недооценка фактического материала сравниваемых языков приводила к тому, что закономерности развития одного из индоевропейских языков механически переносились на все индоевропейские языки. В последнее время в отечественном языкознании делаются попытки, исходя из положений Потебни, по-новому ставить вопросы сравнительно-исторического синтаксиса, уделяя при этом должное внимание индивидуальным своеобразиям каждого из сравниваемых языков⁶.

Остановимся на задачах сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков. При объективной оценке состояния тюркологии в рассматриваемой области представляется возможным осуществить опыт сравнительно-исторического анализа синтаксиса тюркских языков. Задача последнего — не регистрация и не сопоставление конструкций, встречающихся в историческое время в отдельных тюркских языках, а выявление картины возникновения различных, исторически засвидетельствованных синтаксических конструкций, восстановление их общетюркской основы и дальнейшего самостоятельного развития в различных группах языков или в разных тюркских языках. Сравнительно-исторический синтаксис занимается выяснением тенденций развития, нормализации грамматических способов выражения различных синтаксических отношений по направлению к современности, предполагая и ретроспективный анализ.

Так, например, согласование в числе — категория историческая в тюркских языках. Материал тюркских языков свидетельствует о том, что формально выраженное членимое множество возникло на базе значения собирательности, нерасчлененного множества. В этом направлении и шли основные линии исторического развития. Не случайно, когда подлежащее во множественном числе в тюркских языках воспринимается как нерасчлененное единство, сказуемое при нем всегда стоит в единственном числе; например: башк. *улар килде* «Они пришли все сразу, как один». Реликтом ограничений согласования в числе являются сохранившиеся по отдельным тюркским языкам факты нарушений согласования в числе применительно к 3-му лицу. Так, например, в казахском языке, как правило, глагольные сказуемые в 3-м лице множественного числа не оформляются специальным окончанием и совпадают с формой единственного числа, например: *Ол сатады* «Он продаст или продает» и *Олар сатады* «Они продадут или продают»⁷. Факультативное согласование сказуемого с подлежащим 3-го лица в числе наблюдается и в карачаево-балкарском, киргизском, татарском, туркменском, алтайском, шорском языках. Довольно последовательно это прослеживается в лобнорском языке и хамийском наречии, сохраняющих немало архаизмов, например: хамийск. *Бер јагә берипто. Бер дарак төвигә түйүпто...* «Пришли в одну землю и остановились под одним деревом...»⁸. То же явление наблюдается и в памятниках древнетюркской письменности (например, в «Кутадгу билиг», «Кыссас-ул-анбия» Рабгузи и др.). Исторически объяснимо и использование 3-го лица единственного числа для передачи безличных предложений, особенно распространенное в кыпчакских языках. Настойчиво проявляющаяся тенденция в языках огузского типа выражать неопределенно-личные предложения

⁶ См.: Э. А. Макаев, Вопросы синтаксиса индоевропейских языков, «Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», VII, 1955; В. Я. В. С. Иванов, Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы, «Структурная типология», М., 1966, и др.

⁷ «Современный казахский язык», Алма-Ата, 1962, стр. 328.

⁸ С. Е. Малов, Уйгурский язык. Хамийское наречие, М.—Л., 1954, стр. 97.

посредством 3-го лица множественного числа (ср. турецкую поговорку: *Ağlatıyan çocuğa süt vermezler* «Ребенку, который не плачет, молока не дают») — очевидно, явление более позднее.

К числу тенденций исторического развития в области синтаксиса можно отнести стремление к грамматической оформленности изафетных словосочетаний, т. е. развитие II и III типа изафета. Целый ряд тюркских языков отражает процессы конкурентирования I и II типа изафета. Так, в кумыкском языке очень трудно провести смысловое разграничение между I и II типами изафета, причем первый из них является наиболее типичным (*кьумукъ тиль* «кумыкский язык»). Развитие III типа изафета, соотносимое с более поздним периодом общетюркской праязыковой общности, связано с развитием категории определенности (категория определенности — неопределенности существует в тюркских языках не изначально). Одно из доказательств более позднего развития III типа изафета — полное его отсутствие в якутском языке. В гагаузском, чувашском, а также в ранних памятниках тюркских языков хотя и возможны генетивные конструкции, но различие между определенным и неопределенным изафетом не имеет того значения, как в турецком языке; форма же определенного изафета употребляется сравнительно редко. В историческом развитии проявляются и другие тенденции — такая, как синтаксическая изоляция морфологических форм глагольных имен, послужившая причиной развития конструкций с формирующим членом типа *алганда, алганча, алдыгча* и пр., и такая, как развитие категории сложного предложения так называемого европейского типа и тюркских его аналогов.

При сравнительно-историческом анализе в качестве опорных используются особенности агглютинативного строя, который в тюркских языках достиг почти полной абсолютизации⁹. Одно из сопутствующих агглютинативному строю типологических свойств — твердый закон порядка расположения «определение + определяемое» — проявляется в структуре всех синтаксических категорий¹⁰. Способность имен существительных выступать в роли определения и отсутствие согласования с определяемым явилось почвой для развития особого типа словосочетаний — изафета. Действием правила «определение + определяемое» объясняется типичная для агглютинативных языков препозиция родительного падежа, имеющего в ряде тюркских языков артиклевые функции (например, казах. *колхоздың жері* «земля колхоза»). Развитие III типа изафета привело к некоторому разрушению первоначально тесно спаянных именных атрибутивных комплексов — известно, что наиболее легко поддается распространению именно III тип изафета. А это создавало условия в тюркских языках для развития развернутых конструкций.

Конечная позиция глагола в тюркских языках и вытекающая отсюда препозиция дополнения (включая развернутые конструкции) продиктована тем же твердым правилом словоупотребления «определение + определяемое». Появление объектных конструкций с винительным падежом — явление, очевидно, более позднее. Преобладание именных свойств в глагольных образованиях, употребление отглагольных имен вместо личных глагольных форм при господстве способа примыкания обеспечивали на ранних этапах развития агглютинативных языков структуру тесно спаянных ком-

⁹ См.: Б. А. Серебряников, Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка, сб. «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965, стр. 8.

¹⁰ По мнению Н. К. Дмитриева, однако, линия «определение + определяемое» не входит в структурные рамки предложения (Н. К. Дмитриев, Детали простого предложения, сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III, М., 1961, стр. 29).

плексов типа «объект + отглагольное имя». Появление объектных конструкций с винительным падежом сопряжено с расчленением спаянного словосочетания в связи с развитием все той же категории определенности — неопределенности.

Твердый порядок слов вместе с сопутствующей ему постоянно действующей тенденцией — расширить границы определения и построить все сложное по модели простого — определил и развитие структуры предложения. Сказуемое, как неспособное выступить в роли определения, оттесняется к концу и вместе с тем может выступать в роли своеобразного определяемого. Отсюда два центра определений и определяемых: подлежащий и сказуемый. Правило порядка слов распространяется на тот и другой центр. Выражение всякой зависимой мысли рассматривается как развернутое определение, поэтому любое придаточное — это разновидность определителей. Одним из характерных для строя тюркских языков путей эволюции сложноподчиненных предложений было их развитие не изнутри, а путем сложения двух ранее самостоятельных предложений, которые под давлением своей системы стремились превратиться в одно. Внутренним же путем в недрах простого предложения могли развиваться лишь причастные, деепричастные, глагольно-именные словосочетания, имеющие общий с главной определяемой частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего.

Наличие двух самостоятельных грамматически выраженных подлежащих является реликтом того, что первоначально соединялись два самостоятельных простых предложения. При сложении двух глагольных предложений глагол зависимого предложения грамматически трансформируется, стремясь утратить глагольность и обрести именную форму. Этот процесс опирается на другой действующий закон структуры тюркского предложения, которая избегает двух *verbum finitum* (это можно наблюдать уже в рамках простого предложения с однородными сказуемыми). Процесс трансформации двух исторически самостоятельных предложений в условиях смыслового подчинения одного другому сопровождается стремлением при двух самостоятельных подлежащих оставить лишь одно сказуемое — *verbum finitum*, превратив второе в неличную глагольную форму. И если в индоевропейских языках средства подчинения сохранили самостоятельность обоих предложений (подчиненного и подчиняемого), то структура тюркских языков предопределила превращение грамматически самостоятельных предложений в несамостоятельные.

Зависимые трансформы (как мы условимся называть эти несамостоятельные комплексы) — это исторически самостоятельные предложения, претерпевшие либо адъективизацию, либо субстантивацию¹¹. Это новая структурная единица, не укладывающаяся ни в рамки предложения европейского типа, ни в рамки обычных причастных образований. Например: узб. *Улар кирган уй меҳмонхона бўлса керак* (Саид Ахмад, Хикоялар) «Дом, в который они вошли, должно быть, был гостиница»; *Қишлоғимга бормаганимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, Пьесалар) «С тех пор, как я не ездил к тебе в кишлак, прошло целых полгода»; трансформантами здесь являются *кирган* и *бормаганимга*.

Трансформы стали образовываться в тот период, когда у отглагольных имен, причастий, деепричастий, а также личных глагольных форм определилась неодинаковость и их функций и их оформления. Это связано с развитием письменной речи. Уже признание того, что способ примыкания

¹¹ Н. А. Баскаков, применяя термин «трансформация», использует его для объяснения особого типа простого предложения с развернутыми членами («Структура простого предложения в тюркских языках», «Труды Ин-та языка и лит-ры АН КиргССР», VI, Фрунзе, 1956, стр. 96).

простых предложений возник в известный исторический период развития языка, исключает предположение об изначальном существовании трансформ и подсказывает возможность относительной датировки процесса их сложения. В историческом развитии сложного предложения условно можно выделить три этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения; 2) появление первоначальных образцов, так сказать, «несовершенных» трансформ; разнообразие переходных конструкций, грамматически не устоявшихся; наличие комбинированных способов выражения подчинения; 3) оформление трансформ. Таким образом, появление трансформ было подготовлено предшествующими этапами исторического развития, а исходный импульс к их возникновению следует искать очень рано — уже в недрах простых предложений, в самом факте объединения двух предложений по способу примыкания. Как в рамках словосочетаний наблюдаются тесно сплоченные комплексы, так и в рамках сложного предложения сохранились не менее тесно спаянные реликтовые предложения, в которых сказуемое, логически подчиняемое, сохраняет еще грамматическую самостоятельность, будучи неуправляемым со стороны главной части, например, турецк. *Saat gece yarısına yaklaşıp bulunuyordu* (Sabahattin Ali, *İçimizdeki şeytan*) «Он нашел, что время подошло к полуночи»¹².

Итак, применение сравнительно-исторического метода опирается на типологические черты семьи родственных языков. Синтаксическая типология, основанная на различных закономерных схождениях, на определенных закономерных моделях синтаксических образований, является необходимым подсобным приемом в сравнительно-исторических исследованиях. Для сравнительно-исторических исследований очень важен также учет типологических черт неродственных языков¹³. Методические принципы типологических исследований, все более внедряющиеся в сравнительную грамматику индоевропейских языков, очень полезны для тюрколога-компаративиста. Типологический подход к решению вопроса о путях развития сложного предложения в тюркских языках не позволяет считать союзный способ выражения подчинения (особенно распространенный в индоевропейских языках) абсолютно привнесенным извне для тюркских языков. Условия для развития союзного способа подчинения были заложены в самой структуре тюркских языков, а известным импульсом к такому развитию была разветвленная система разного рода частиц. Большинство современных нам тюркских языков сохранило употребление этих частиц, особенно в стиле устной разговорной речи. Такова постпозитивная усилительно-выделительная частица *да*, у которой на основе этого значения развивается союзная функция и нередко обе функции переплетаются, например: азерб. *jaxşı sən jumurta çal, mən də samovary odlayım* (Мирзэ Ибраһимов, *Сечилмиш өсэрлери*, I) «Хорошо, ты яйца взбивай, а я самовар разведу»; казах. *Онда бар да мұнда әкел* («Қазақ ертегілері», I, 1957) «Раз там есть, принеси сюда». Точно так же *ки* употребляется как усилительно-выделительная частица, например: азерб. *Мәни шаһид кәтирмәмисән ки* (Ибраһимов, указ. соч.) «Не привел же ты меня в свидетели»; узб. *Унинг эгнида яшнаб турган никоҳ либослари ўзига бирәм ярашибдики* (Саид Аҳмад, *Ҳикоялар*) «пышные брачные одеяния на ней настолько были ей к лицу!». Распространенная в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском языках усилительно-выделительная частица *ки* при-

¹² Подробное освещение процесса трансформации см. в ст.: Н. З. Г а д ж и е в а, Трансформация как способ выражения подчинительных отношений в тюркских языках, «Уч. зап. Чувашского НИИ», XXXIV — Филология, Чебоксары, 1967.

¹³ Ф. [Е.] К о р ш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877; ср. также: Э. А. М а к а е в, Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, ВЯ, 1965, 4.

обретает и союзное значение. По нашему мнению, исходным моментом в этом развитии было противительное и условное значение *ки*; ср. азерб. *Арвад, елэ еләмэ ки, кедим Теллини кэтирим, тој тэдарүкүнү тапшырым она* (Ибрагимов, указ. соч.) «Жена, ты так не делай, а то я пойду приведу Телли и поручу ему организацию свадьбы»; узб. *Нима қилсин ки, ёнида қора чақа йўқ* (Ойбек, Навоий) «Что ему делать, если при нем нет денег». В этом значении частица *ки* могла контаминироваться с иранским союзом *ки* и расширить свою семантику (союз *ки* в азербайджанском, турецком языках вводит почти все типы придаточных предложений). Усилительно-выделительная и одновременно союзная функции частиц оказались удобными при создании в тюркских языках сложных союзных образований, вроде азерб. *амма ки, белэ ки, елә ки, экар ки, нечэ ки*; казах. *егерде*, узб. *ёки* и т. д.

Давление системы явилось причиной возникновения в целом ряде тюркских языков постпозитивных союзов. Так как всякое придаточное предложение на правах зависимого определения (в широком смысле) стремится уложиться в рамки главного, то эта действующая тенденция проявилась и при создании придаточных союзного типа. Ср. «необычное» положение союза, который, примыкая к главному предложению, составляет с ним единую интонационно-синтагматическую единицу, например, азерб. *Дејирлэр ки, сэн бир алим адамсан* «Говорят, что ты ученый человек». Постпозиционное примыкание союза к сказуемому главного предложения также служит аргументом в пользу гипотезы о развитии некоторых союзов из постпозитивных же выделительно-усилительных частиц. Путь развития союзов на базе частиц известен языкам различного типологического строя. Ср. русскую диалектную частицу *дак*: *Садись, пришел дак* (= *садись, раз пришел*); русск. *же*, греч. (Гомер) *ῥα* и др. Использование вопросительных местоимений для союзной связи «принадлежит также к числу способов, усвоенных многими народами совершенно самостоятельно»¹⁴ (индоевропейские, тюркские и пр.).

При сравнительно-историческом анализе следует учитывать те синтаксические явления, которые могут быть объяснены исходя не из типологии, а из особенностей синтаксической структуры данной семьи языков. Так, например, относительно слабые границы между именем и глаголом — общее типологическое свойство многих неродственных языков, хотя уже в самых ранних памятниках многих неродственных языков существовало грамматическое противопоставление имени и глагола¹⁵. На условность смысловой разницы между предметностью и процессуальностью указывал, например, Э. Бенвенист¹⁶. Тем не менее на разных этапах развития разных языков соотношение имени и глагола могло быть различным. Увеличение или уменьшение удельного веса имени и глагола — это не всеобщий типологический закон, поскольку этот процесс мог быть вызван различными причинами. Применительно к индоевропейским языкам часто говорят о значительном в них удельном весе имени в древности и о более позднем оформлении системы глагола¹⁷. Возможное увеличение удельного веса имени на определенном этапе развития тюркских языков несопоставимо с материалом индоевропейских языков уже потому, что продиктовано оно совершенно другими импульсами, а именно — развивавшимся процессом

¹⁴ Ф. К о р ш, указ. соч., стр. 24.

¹⁵ См. об этом: К. G r ö n b e c h, указ. соч., стр. 19.

¹⁶ E. B e n v e n i s t e, *La phrase nominale*, BSLP, 46, 1 (№ 132), 1950, стр. 19, 20. Ср. также: J. D e n u, указ. соч., стр. 450; К. G r ö n b e c h, указ. соч., стр. 85; F. M a r t i n i, *L'opposition nom et verbe en vietnamien et en siamois*, BSLP, 46, 1.

¹⁷ См.: «Сравнительная грамматика германских языков», IV — Морфология. М., 1966, стр. 129, 130.

трансформации, при которой два ранее самостоятельных предложения под давлением своей системы стремились превратиться в одно.

Применение сравнительно-исторического метода в синтаксисе тюркских языков опирается и на такие факторы, как возможность существования однотипных конструкций, происходящих из одного источника, с одной стороны, и неравномерность развития различных тюркских языков, с другой. Последний фактор особенно важен для сравнительно-исторических исследований уже потому, что основной объект таких исследований — это, прежде всего, те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность своего развития и одним из таких подвижных участков является область сказуемого. Наблюдающиеся здесь исторические изменения происходят за счет развивающихся глагольных времен и связочных средств. Неслучайно, что проблема генезиса структуры предложения многими исследователями-тюркологами неразрывно связывалась с природой сказуемого.

Как известно, глагол «быть, есть» в тюркских языках не имеет полной парадигмы, модель «я есмь студент» не распространена в тюркских языках. А это может отчасти свидетельствовать о том, что аффиксы сказуемости довольно раннего происхождения. Однако можно ли на этом основании считать, что связки настоящего времени «быть/есть» вовсе не было в тюркских языках?

Сравнительный анализ современных тюркских языков и древних их памятников говорит в пользу существования глагола-связки настоящего времени; прежде всего это самый факт наличия у глагола-связки развитой парадигмы прошедшего времени. Есть и другие аргументы. Старые памятники и живые тюркские языки сохраняют несколько форм недостаточного глагола *ä-*, *är-* (ср. орхон. *ärür*, *ärti*, *ärsär*, *ärkän*, *ärmiš*, *ärinč*, чагатайская полная парадигма спряжения этой связки *erürmen*, *erürsen* и т. д.¹⁸, якут. *ärär*, *ätä*, *äbit*, *ibit* и пр.). В. Котвич считает, что основой рассматриваемого глагола-связки является *ä-*, который мог быть представлен и в вариантах с узкими *e-* и *i-*¹⁹.

Некоторый материал для выявления реликтовых следов связки настоящего времени дает гагаузский язык с его схемой спряжения имен с аффиксами сказуемости — ср. появление немотивированного *й* в аффиксе сказуемости 2-го лица единственного числа *-(й)сын*²⁰. Ставя вопрос о возможности реконструкции модели простого предложения с глаголом-связкой настоящего времени, нам кажется допустимым предположить, что действительно такая модель существовала в пратюркской общности, что существовал глагол-связка настоящего времени со своей полной парадигмой и что этимологически ее наиболее ранние фонетические варианты — *ä-*, *e-*, *i-*.

Но как связан с ними вариант *är-*, *эр-*? Этот вопрос пока еще не решен. Здесь можно допустить две гипотезы: 1) либо изначально существовало два недостаточных глагола *ä-/э-* и *är-/эр-*, 2) либо (и, на наш взгляд, это более достоверно) *är-/эр-* представлял собой значимый элемент, поскольку значение аффикса *-р* здесь затемнено, хотя элемент *-р* в образовании *är-/эр-* мог быть показателем аориста (допустимо, что первоначально форма аориста была *аир* → *эр*). 3-е лицо могло обобщаться (и такие факты известны). *Ärür/эрүр* при этом можно было бы рассматривать как более позднее образование, возникшее вследствие переразложения основы. Подтвержде-

¹⁸ J. E s k m a n n, Chagatai manual, Bloomington — The Hague, 1966, стр. 180.

¹⁹ В. Котвич, указ. соч., стр. 280.

²⁰ См.: Л. А. Покровская, Грамматика гагаузского языка, М., 1964, стр. 151, 152.

нием тому, что элемент *p* в форме *är/эр* возник как показатель аориста, может служить сохранение довольно распространенного в тюркских языках слова *āmās* «не есть, не имеется», которое представляет собой нормальную отрицательную форму аориста от корня *ā-*; можно поэтому предполагать вслед за В. Котвичем, что «существовала также утвердительная форма аориста, которая нормально звучала *ār-*»²¹.

Предположение о возможном существовании связки в истории тюркских языков имеет и логические основания. По наблюдениям Э. Бенвениста, присутствие связки часто зависит от суженного аспекта высказывания, она часто встречается при конкретизированном речевом общении и имеет преимущества в более удобном оформлении предиката²². И с этой точки зрения трудно предположить отсутствие связки в древности. Для связки характерно и затемненное этимологическое значение²³, что можно констатировать и в отношении тюркской связки *e-*.

Итак, гипотетически допустимо существование в пратюркской общности глагола-связки настоящего времени *ā-/e-/i-*, которая с течением времени разрушалась под влиянием семантически однородных явлений. Подобный процесс известен языкам различного типологического строя. В немецком связка «есть» имеет различные основы: *bin, bist* восходят к основе *bhū* «быть», а *ist* — к основе глагола *es* «быть»; то же в русском языке: *быть* восходит к основе *bhū*, а *есть* к основе *es*. А происходит это вследствие влияния семантически однородных элементов: могут конкурировать глаголы «являться» и «есть», «становиться» и «быть».

Материал современных, а также древних тюркских языков свидетельствует о существовании значительного числа грамматических аналогов связки *ā-*, благодаря которым последняя и была постепенно вытеснена. Тюркские языки дают картину значительного разнообразия в способах выражения связки настоящего времени. Широко используются личные местоимения, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевали процесс фонетической трансформации, переходя в разряд аффиксов. Самое наличие связки *-тур/турур*, обобщение формы 3-го лица и использование ее во всех лицах немало способствовало разрушению и вытеснению связки *ā-*. В саларском имеется связка *še* «есть, имеется», которая неизвестна больше ни одному из тюркских языков и встречается еще в дунсянском, так же, как и саларский, испытавшем заметное китайское влияние. Структура образуемых с ее помощью предложений в саларском подобна китайской (связка *še* находится в середине предложения и встречается в контаминации с *tur*), например: *Altiyuli še ulli zamara'ttera* «Алтиюли — великая община!»²⁴. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *кижи* «человек», *чүве* «вещь, предмет», например: *Черле ындыг шыңгыы кижги* «Он всегда такой серьезный»²⁵.

Развивающиеся у слов *бар/йок* функции, синонимические связке, способствовали тому, что в некоторых тюркских языках *бар* образует с аффиксом сказуемости полную парадигму: в караимском, например, *бар* выступает на правах полноценной связки: *Мен бар-м(ен) карай, сен бар-с(ен)-карай* «Я (есмы) караим, ты (еси) караим»²⁶; в гагаузском *вар* в роли связки используется применительно к первым двум лицам, например: *Бән о кўйдән варым, нереси онт дурэр* (ДК) «Я из того села [являюсь],

²¹ В. Котвич, указ. соч., стр. 282.

²² E. Benveniste, указ. соч., стр. 31—35.

²³ Там же.

²⁴ Э. Р. Тенишев, Саларский язык, М., 1963, стр. 43.

²⁵ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах, Грамматика тувинского языка, М., 1961, стр. 223.

²⁶ К. М. Мусатов, Грамматика караимского языка, М., 1964, стр. 309—310.

которое стоит на отшибе (в стороне)»; *Sân varсын ен ии екижи...* (ДК) «Ты являешься самым лучшим сеятелем...»²⁷. В качестве связки настоящего времени используется и вспомогательный глагол *ол/бол*, например, туркм. *Хава, окалгада адам көп боляр* «Да, в читальном зале много народу»²⁸. В тюркских языках наблюдается, наконец, тенденция к разрушению сказуемых окончаний, особенно в 3-м лице, и здесь, видимо, дело не столько в иноязычном влиянии, сколько в самой непрочности связки. Правда, в одних языках, например в азербайджанском, опущение аффикса сказуемости в разговорной речи используется в качестве жанрово-стилистического средства, не являясь грамматической нормой языка²⁹. В тюркских же языках другого типа, как, например, в башкирском, аффикс сказуемости 3-го лица почти всегда пропускается³⁰.

Итак, компаративист должен учитывать все многообразные типы изменений, которые могут произойти в языках, чувствовать взаимную обусловленность всех этих изменений; исходя из анализа структуры тюркских языков, проникать в глубь их истории, признавая, что «все... в языке „причинно“, „естественно“, „законно“, „рационально“. В языке нет никакого произвола»³¹. Праязыковая схема при этом имеет большое организующее значение, и нужна она, прежде всего, для создания общей исторической перспективы, без чего изучение истории тюркских языков осложняется.

Приемы сравнения применяются к современным языкам, письменным памятникам, диалектам, родственным языкам. Конечной целью сравнения является создание архетипов, т. е. достижимая реконструкция первоначального облика синтаксических построений, возводить которые к одной хронологической плоскости было бы ошибочно. Так, например, если простое предложение может быть отнесено к самому раннему периоду тюркской общности, то процесс трансформации хронологически должен совпадать с процессом развития сложного предложения и т. д.

Синтаксическая реконструкция, имея своим объектом типы синтаксических отношений, способы оформления слов в словосочетания, оформление простых и сложных предложений, существенно отличается от морфологической реконструкции. Историческая морфология возводит к праязыку только явления, обнаруживающие материальную общность; она реконструирует ту или иную грамматическую форму, поставив ее под звездочку. Исторический синтаксис, не имея возможности реконструировать корпус словосочетания (как и предложения), так как его материальное наполнение переменное, может воссоздать его строение. Если тот или иной структурный тип выражения синтаксических отношений пронизывает все тюркские языки, допустимо этот тип или эту синтаксическую модель реконструировать в пратюркское состояние (ср. типы атрибутивных, объектных отношений и т. д.). В этом специфика сравнительно-исторического синтаксиса, его смешанная природа, проявляющаяся в том, что он должен быть историко-типологическим. Таким образом, первый этап синтаксической реконструкции — выявление типовых моделей и реконструкция архетипа. На этом этапе создаются типовые синтаксические модели вроде

Имя прилагат. + имя существит., Имя числит. + имя существ.

²⁷ Л. А. Покровская, указ. соч., стр. 154.

²⁸ А. А. Курбанов, М. Н. Хидиров и др., Туркменский язык, ч. 1, Ашхабад, 1964, стр. 11.

²⁹ См. об этом: З. И. Будагова, Простое предложение в современном азербайджанском литературном языке, Баку, 1963, стр. 79—82.

³⁰ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 53.

³¹ И. А. Бодуэн-де-Куртене, Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков, СПб., 1882, стр. 12.

Для синтаксической реконструкции необходим и следующий этап — реконструкция отдельных строевых элементов словосочетания (или предложения), ведущих членов синтаксической конструкции, типовой синтаксической модели. А последнее осуществляется при опоре на историческую морфологию. Для реконструкции синтаксической модели имеет большое значение выявление морфологических опор этой модели.

Можно реконструировать гипотетическую типовую модель даже при наличии в тюркских языках различных способов ее реализации. Возьмем, к примеру, типовую модель

√ отглагольное имя в падежном оформлении + глагол,

разложим ее на главные члены: В (варьирующаяся часть) + К (постоянная часть). Варьирующаяся часть будет неодинакова по разным языкам, ср., например: а) отглагольное имя на *-ган* в вин. пад. + глагол: узб. ... *нима деганингизни биласизми йўқми?* «... знаете ли вы, что вы говорите, или нет?»; б) отглагольное имя на *-дыг* + глагол: азерб. *Йәгил о мәним Петербурдан гайытдыгымы билмир* (Н. Мейди, Сәһәр) «Вероятно, он не знает, что я вернулся из Петербурга». В задачу сравнительно-исторического синтаксиса в таком случае должно входить прослеживание грамматического наполнения по языкам общетюркской модели. Выделенному нами структурному архетипу будет соответствовать целый ряд зональных грамматических типов, в пределах которых следует установить грамматическую преемственность, т. е. провести реконструкцию (частичную), опираясь на данные исторической морфологии.

Так, например, можно предположить, что на определенном этапе общетюркского состояния форма *-ган* была недифференцирована во временном отношении, что сохранилось в причастном ее употреблении; ср. татар. *Ул чулмәкне калтыранган куллары белән алды* (А. Расих, Хикәяләр) «Дрожащими руками он взял горшок» и *Мона кадәр сүзсез утырган Нури да сүзгә кушылды* (там же) «До сих пор молчаливо сидевший Нури вмешался в разговор». Впоследствии в отдельных ареалах тюркских языков форма *-ган* дифференцировалась во временном отношении: за азербайджанской, турецкой формой на *-ан*, кумыкской на *-агъан* закрепляется значение настоящего времени³², а в большинстве кыпчакских языков форма на *-ган* выражает прошедшее время. Такая временная дифференциация этого причастия в разных языках могла стать стимулом для образования относительно нового причастия прошедшего времени на *-мыш*. При опоре на историческую морфологию, на материал конкретных памятников тюркских языков можно предположить, что форма на *-мыш*, спорадически встречающаяся в языке енисейских памятников древнетюркской письменности³³, получает развитие преимущественно с XI в., будучи представлена в «Кутадру билиг» и «Дивану лугат-ит түрк»³⁴. Недифференцированность причастий во временном отношении облегчала процесс трансформации, поэтому более продуктивными оказались трансформы с *-ган-*, *-дыг*, нежели с *-мыш*.

По целому ряду причин мы относим процесс трансформации к относительно позднему общетюркскому состоянию. Одним из оснований для этого служит опора на историческую морфологию. При трансформации ис-

³² Хотя в этих языках можно встретить реликты былой временной недифференцированности. Ср. турецк. *gülen adam* «смеющийся человек» и *unutulan adam* «забытый человек».

³³ И. А. Б а т м а н о в, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 117.

³⁴ См. об этом: Г. А. А б д у р а х м а н о в, Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век), М. 1967.

пользовались обычно относительно новые падежные образования (за исключением падежа на *-ча*, который исчез позднее). Такие же древние падежные образования, как инструментальный падеж на *-ын* (ср. *kişin* «зимой»), направительный на *-ра* (ср. *içeri* «внутри»), не участвовали в образовании трансформанта. Вместе с тем реконструкция аффикса и его специализация по синтаксической функции — явления не совпадающие. Нужно иметь в виду, что реконструкция формы одного лишь ведущего члена синтаксического построения не может подменить синтаксической реконструкции. Так, например, предположим, что форму на *-дыг* гипотетически можно отнести к общетюркской из-за ее участия в различных функциональных сферах языка. Так, в огузских языках, с одной стороны, существуют отглагольно-именные образования на *-дыг* и *-дыгча*, а с другой — *-дыг* вклинивается в парадигму прошедшего времени. В кыпчакских же языках сохраняется главным образом последнее ее употребление. Но если сама форма на *-дыг* может быть общетюркской, то формируемая ею синтаксическая конструкция присуща определенному ареалу южнотюркских языков, т. е. является зональной.

О полной синтаксической реконструкции можно говорить лишь при условии единства синтаксического архетипа и его формальных способов выражения по всем тюркским языкам. Можно выделить такие типы синтаксических построений, которые относительно легко подвергаются синтаксической реконструкции. К их числу прежде всего следует отнести определительные словосочетания с именем существительным в роли главного стержневого слова и зависимым именем числительным. Формула образования «имя числительное + имя существительное» строго выдерживается во всех тюркских языках, имеющих одинаковую систему числительных. Синтаксическую реконструкцию допускает, например, и II тип изафета и т. д.

Опорой при синтаксической реконструкции может служить и изучение синтаксической синонимии — она может иметь значение, например, при установлении относительной хронологии конструкций с формами на *-ыб* и на *-ганда*. Анализ таких конструкций подводит к предположению о том, что образования с формой на *-ганда* явились результатом создания антитезы древней формы *-ыб*, которая недостаточно передавала одновременность действий.

Итак, синтаксическая реконструкция как один из важнейших методов сравнительно-исторического анализа предполагает определенную систему приемов, основанных на использовании данных относительной хронологии, на данных конкретных исторических памятников (ближняя реконструкция), на анализе структуры формантов, участвующих в образовании данных конструкций, на синтаксической синонимии и пр. Реальная реконструкция синтаксических явлений дальнего плана (глубинных эпох) представляется невозможной без опоры на историческую морфологию.

Таковы лишь самые общие вопросы, связанные с методами сравнительно-исторического анализа синтаксиса тюркских языков.